

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.А. ШЕВЦОВА
(Волгоград)

**ОБРАЗЫ И МОТИВЫ
МОЛИТВЕННОЙ ЛИРИКИ
А.А. ГРИГОРЬЕВА В АСПЕКТЕ
ХРИСТИАНСКОЙ АКСИОЛОГИИ**

Рассматривается жанр литературной молитвы в контексте лирики А. Григорьева. Представлен сравнительно-сопоставительный анализ поэтических текстов с каноническими образцами православной гимнографии. На основе выявления мотивно-образной доминанты охарактеризованы эстетико-аксиологические ориентиры поэта.

Ключевые слова: *религиозная гимнография, жанр, литературная молитва, христианский канон.*

Литературная деятельность большинства поэтов середины XIX в. отмечена стремлением к многожанровости. Бесспорным ориентиром в данном отношении был А.С. Пушкин, универсальность его художественного гения. Поэзия А.А. Григорьева, традиционно относящаяся к феномену «чистое искусство», в этом плане не исключение. Его художнический потенциал реализовался в таких жанрах, как элегия, гимн, молитва, песня, сонет, ода, мадригал и др.

К изучению поэзии А. Григорьева в разное время обращались с разными целями и задачами. Одну из них четко сформулировал А. Блок, выступивший, кстати, в 1916 г. составителем его стихотворного сборника. Он писал о том, что в процессе приобщения к творчеству столь «своеобычной» личности открываются не только «русский строй души», но и «новые способы смотреть на человеческую жизнь» [2, с. 28]. Переоценить в этом плане лирику, исполненную высоких молитвенных настроений, разумеется, невозможно.

Каждая эпоха по-своему осмысляет канонические тексты религиозного назначения. Среди наиболее популярных следует назвать проповедь, исповедь, притчу и др. Нельзя не учитывать и эстетико-аксиологической основы древнерусской словесности, в част-

ности многочисленные обращения к Псалтыри и попытки художественного переложения наиболее популярных песнопений. Л.Ф. Луцевич считает стимулирующим фактором в процессе художественного освоения псалма фактор социальный: «Изначально жанр был связан с кардинальной проблематикой русского бытия переходной эпохи, соединившей духовное и мирское, и с утверждением стихотворства как новой для русской литературы формы» [8, с. 4]. На наш взгляд, дело не только в причинах социального характера. Псалом, как и большинство образцов церковной гимнографии, оказался восприимчивым к модели и пафосу молитвы в силу ее универсальности. Во-первых, молитва может синтезировать хвалебную, благодарственную и просительную формы славословия. Во-вторых, она предполагает и соборное единение верующих, и келейную интимность, связанную с духовной жизнью одного человека. Именно поэтому литературное осмысление молитвенного жанра, носителя эмоционального и рационального начал одновременно, в высшей степени показательно для национальной традиции. Обращение к Всевышнему – это и форма выражения ментальности православного художника, и естественное стремление трансформировать канонический текст в художественную форму.

Мы будем говорить о молитвенной лирике как литературном жанре, окончательно сложившемся в России в начале XIX в. (хотя известны и более ранние примеры его функционирования с середины XVIII в.). О значимости молитвенной поэзии в отечественной культуре свидетельствует антология под общим названием «Рифма, обращенная к Богу», где собраны наиболее показательные тексты [10].

По мнению Л. К. Граудиной и Г.И. Кочетковой, «стихотворная молитва <...> нередко сохраняла связь с церковной молитвой, тем не менее была самостоятельным и самобытным художественным произведением» [3, с. 31]. Художественная молитва является лирическим переложением духовного текста; это, можно условно сказать, некий конгломерат, на религиозном фоне которого раскрывается авторский замысел. Задача художника заключается в гармоническом слиянии метафизического начала с индивидуально авторским чувством прекрасного, с постижением красоты бесконечного.

Молитвенные стихи занимают совершенно особое место и в лирике А.А. Григорьева. К ним художник не только обращался на протяжении всей жизни, но сохранил ранний мотивно-образный комплекс как идейную доминанту творческого пути в целом.

Яркими примерами служат две «Молитвы» – одноименные стихотворения, датированные 1843-м и 1845 гг. В первом, более раннем, воспроизведена беседа с Богом, в которой доминирует просительный тон. Повтор строки «Да молится каждый» создает кольцевую композицию стихотворения. В строке прослеживается мысль, присущая жизненной философии самого поэта: «Во всем сущем, в каждом проявлении жизни по-своему раскрывается имманентная божественная идея» [6, с. 272]. Далее поэт развивает идею, согласно которой человек получает божественное просветление и нравственное возвышение «по мере страдания»: «Горим мы не даром / Мир покидая, / Восходим до хоров / Громадного храма» [3, с. 37]. Путем духовного очищения в молитве обретается надежда на Царствие Небесное в будущем.

Процитированные строки рождены, конечно, индивидуальным видением мира, но мы находим в них общие черты с православным «Акафистом сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу» (кондак 8-й): «Странно Бога вочеловечася видящее, устранимся суетного мира, и ум на Божественная возложим: сего ради Бог на землю сниде, да нас на небеса возведет, вопиющих Ему: Аллилуйя» [9, с. 80]. В итоге стихи Григорьева неразрывно сливаются со смыслом акафиста. Желание лирического героя выразить в своем поэтическом монологе суть христианского вероучения иллюстрируется текстом письма к М.П. Погодину от 9 октября 1845 года: «<...>давно уже смотрю я на себя как на часть целого человечества и на страдания свои, как на страдания эпохи <...>» [1, с. 14]. Более того, отождествление своего поэтического голоса с многоголосьем веком, а отсюда способность поэта говорить от лица нации (быть «эхом» народа) ставит А. Григорьева рядом с Пушкиным, славянофилами, конечно, с Ф.М. Достоевским, т. е. с теми деятелями культуры и искусства, кто горячо переживал за судьбу российского христианского мира.

Написанная в 1845 г., «Молитва» представляет собой страстное исповедальное прошение измученного душевной борьбой лирического героя. Патетический пафос стихо-

творения перекликается с детским воспоминанием самого поэта о молитвенном стоянии: «... бессонные ночи, в которых с рыданием падалось на колена с жаждою молиться, и мгновенно же анализом подрывалась способность умственных беснований <...>» [6, с. 272]. Герой, истерзанный «в бесплодной борьбе», страстно стремится к Богу, желая обрести покой и благодать: «О Боже, / Хоть искрой любви освети мою душу больную; / Последние силы бунтуют не зная покою, / И рвутся из мрака тюрьмы разрешиться в тебе!» [3, с. 59]. Крайняя степень отчаяния грешника определяет повышенную экспрессивность стихотворения, и отсюда очевидна параллель с православной молитвой «В продолжении дня»: «<...> приди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша» [9, с. 357]. Однако, благодаря тому, что эти строки входят в молитвенное правило, читаемое каждый день, в нем нет такого мощного экспрессивного всплеска, какое присутствует в покаянных канонах, обязательных перед исповедью. Поэтому «Молитва» Григорьева несколько двойственна: не будучи поэтическим переложением прошения на всякую потребу, она, по сути, представляет собой келейное приготовление к таинству исповеди, хотя текстуально близка ежедневному правилу. Н.П. Колосова отмечала, что эта «исповедь Григорьева, по страстности и искренности редкостная даже в русской поэзии» [5, с. 444].

Приведем еще одно сопоставление григорьевских строк со стихами из 4-й молитвы святого Макария Великого.

У Григорьева читаем: «Как в бездне заглохшей, на дне все волнуется в ней (душе. – *И.Ш.*) / Остатки мучительных, жадных, палящих страстей... / Дай жизни и света, дай зла и добра разделенья / Дай мира, о Боже, дай жизни и дай истощенья!» [3, с. 59]. В молении же святого сказано: «возстави падшую мою душу, осквернившуюся в безмерных согрешениях... <...> спаси страстную мою душу, и осени мя светом лица Твоего» [8, с. 50 – 51]. Фрагменты объединяет мотив света: у Григорьева он означает божественную благодать, у Макария Великого свет становится символом грядущего воскресения. Молитва же лирического героя – вопль грешника, утратившего способность разделять добро и зло, что порождает страдания и грозит душе гибелью. Но в обоих случаях молитва звучит как просьба о духовном спасении.

Рассмотрим молитвенное стихотворение из поэмы «Дневник любви и молитвы» 1857 г., которое также можно интерпретировать как жанр литературной молитвы. Лирический герой сам констатирует свою религиозную мудрость, и его духовное открытие выражается ритуальным славословием. Проведем сравнительный анализ кульминационной части поэмы (II строфа второй части) с молитвой святого Иоанна Кронштадтского:

А.А. Григорьев:

Отец Любви! Перед тобой
Теперь склоняюсь я в смиренье
Путем страдания к просветленью
Идти Божественный велел
И я, страдая и тоскуя,
Тоской стремлюсь куда-нибудь /
Цель жизни, может быть, найду я [3, с. 84].

Иоанн Кронштадтский:

Господи! Имя Тебе – Любовь:
не отвергни меня, заблуждающегося человека.
Имя Тебе – Сила: подкрепи меня,
изнемогающего и падающего.
Имя Тебе – Свет:
просвети душу мою... /
Имя Тебе – Мир:
умири мягущуюся душу мою.
Имя Тебе – Милость:
не переставай миловать меня [9, с. 363].

Параллелизм, на наш взгляд, очевиден. Вспомним также строки из псалмов Давида: «Господь – свет мой и спасение мое» (Пс., гл. 26, ст. 1), «Не отвергни и не оставь меня, Боже, Спаситель мой!» (Пс., гл. 26, ст. 10), «Боже! будь милостив к нам и благослови нас, освети нас лицом Твоим» (Пс., гл. 66, ст. 2), «Сохрани душу мою, ибо я благоговею пред Тобою; спаси, Боже мой, раба твоего, уповающего на Тебя. Помилуй мя, Господи, ибо к Тебе взываю каждый день» (Пс., гл. 85, ст. 2–3), «Ибо Ты, Господи, благ и милосерд и многомилостив ко всем призывающим Тебя» (Пс., гл. 85, ст. 5). Идейное сближение псалмов и молитвы св. Иоанна объясняется его ориентацией на духовные эстетические категории («любовь», «сила», «свет», «мир», «милость»), которые он выразил в оценочных метафорах, используя модель молитвы прошения.

Молитва А.А. Григорьева, как и св. Иоанна Кронштадтского, содержит ряд типологических образов, отсылающих к Священному Писанию. Но Григорьев переосмысливает

их и привносит в свой медитативный диалог индивидуально-авторское начало, сохраняя при этом идейное содержание псалмов. Центральная движущая сила лирического героя – самопознание.

Стихотворная молитва текстуально тесно сближается с притчей о блудном сыне: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих» (Лк., гл. 15, ст. 18 – 20).

Диалогичность цикла «Дневник любви и молитвы» проявляется в неразрывной связи, вбирающей в себя особенности религиозных и медитативных жанровых форм. Ориентация на христианские источники (молитвенные обращения, притчевое начало) обусловлена религиозным мировоззрением самого автора. Использование дневничности и элегических мотивов тоски-грусти по духовно утраченным ценностям лежит в основе композиции цикла и свидетельствует о предельной искренности поэта.

Таким образом, нами выявлен сам феномен переложения церковной молитвы в лирическом контексте творчества А.А. Григорьева. Основным принципом этого процесса является опора на мотивно-образный комплекс христианской аксиологии: апология света, мира, любви, призыв к борьбе с собственной греховностью, т. е. апология «духовной брони», и т. д. Тематическая направленность определяется потребностью Богообщения и поисками Всевышнего в душе грешника и в грешном мире, личным глубоко прочувствованным страданием и покаянием. В большинстве случаев поэт прибегает, как мы видели, к откровенной стилизации. Подобная не только типологическая, но и генетическая связь стихотворений с текстами православных молитв позволяет видеть в А.А. Григорьеве истинно верующего поэта-мыслителя и тонкого художника слова.

Список литературы

1. Блок А.А. Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.–Л., 1962. Т. 6. С. 26–28.
2. Виттакер Р., Егоров, Б.Ф. Аполлон Григорьев. Письма. М.: Наука, 1999.
3. Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русское слово в лирике XIX века 1840–1900. М.: Флинта: Наука, 2010.
4. Григорьев А.А. Собр. соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1.

5. Григорьев А.А. Стихотворения. М.: Изд-во К.Ф. Некрасова, 1916.

6. «Как слово наше отзовется». М.: Правда, 1986.

7. Лернер Н.О. А.А. Григорьев // История русской литературы XIX в.: в 2 т. М.: Мир, 1909. Т. 2. С. 269–279.

8. Луцевич Л.Ф. Русская псалтырная поэзия: Стихотворные переложения псалмов XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кишинев, 2002.

9. Православный молитвослов. М.: Отчий дом, 2009.

10. Рифма, обращенная к Богу: Антология русской молитвенной поэзии. СПб.: Алетейя, 2005.

* * *

1. Blok A.A. Chto nado zapomnit' ob Apollone Grigor'evе // Blok A.A. Sobr. soch.: v 8 t. M.–L., 1962. T. 6. S. 26–28.

2. Vittaker R., Egorov, B.F. Apollon Grigor'ev. Pis'ma. M.: Nauka, 1999.

3. Graudina L.K., Kochetkova G.I. Russkoe slovo v lirike XIX veka 1840–1900. M.: Flinta: Nauka, 2010.

4. Grigor'ev A.A. Sobr. soch.: v 2 t. M.: Hudozh. lit., 1990. T. 1.

5. Grigor'ev A.A. Stihotvorenija. M.: Izd-vo K.F. Nekrasova, 1916.

6. «Kak slovo nashe otzovetsja». M.: Pravda, 1986.

7. Lerner N.O. A.A. Grigor'ev // Istorija russkoj literatury XIX v.: v 2 t. M.: Mir, 1909. T. 2. S. 269–279.

8. Lucevich L.F. Russkaja psaltnaja poezija: Stihotvornye pereložhenija psalmov XVIII v.: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Kishinev, 2002.

9. Pravoslavnyj molitvoslov. M.: Otchij dom, 2009.

10. Rifma, obrashhennaja k Bogu: Antologija russkoj molitvennoj poezii. SPb.: Aletejja, 2005.

Images and motives of prayer lyrics by A. Grigoriev in the aspect of Christian axiology

The article deals with the genre of literary prayer in the context of the lyrics by A. Grigoriev. It represents the comparative analysis of poetic texts with canonical samples of the Orthodox hymnography. The aesthetic and axiological guidelines of the poet are based on the motive and image dominant.

Key words: *religious hymnography, genre, literary prayer, Christian canon.*

(Статья поступила в редакцию 04.04.2016)

Е.И. ВОРОНОВ
(Волгоград)

ТОПОС ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЫ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Охарактеризована система художественных приемов изображения литературной среды в романе М.А. Булгакова, показана актуальность изучения темы литературного быта в отечественной прозе XX в. Проведенный анализ текста романа обнаружил сходство с текстами средневековых бестиариев, традициями фольклорного театра, а также рядом мифологем, в основе которого лежит использование приемов игрового снижения при создании образов персонажей-литераторов.

Ключевые слова: *литературная среда, литературный быт, бестиарий, мифологема, антитеза, топос.*

Понятие топоса вошло в литературоведение сравнительно недавно, чем и обусловливается некоторая размытость в его определении. В настоящее время в науке сложились две основные его трактовки: 1) «общее место», набор устойчивых речевых формул, а также общих проблем и сюжетов, характерных для национальной литературы [7, с. 89]; 2) значимое для художественного текста «место разворачивания смыслов», которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства, как правило, открытым [Там же].

В первом случае понятие «топос» обладает более широким значением и охватывает универсальные проблемы, сюжеты национальной литературы, устойчивые речевые формулы, т. е. явления, объединяющие произведения различных авторов по тем или иным содержательным признакам. Так, Н.Д. Тамарченко подчёркивает устойчивость их значений и относительную независимость от контекста произведения [11, с. 109], а Е. В. Хализев называет топосы «универсальными, надвременными, статичными структурами художественного содержания» [14, с. 229]. В состав топик им включаются также типы эмоциональной настроенности (возвышенное, трагическое, смех и т. п.), нравственно-философские проблемы (добро и зло, истина и красота), «вечные темы», сопряженные с мифопоэтическими смыслами, и, наконец, арсенал художественных форм. Всё это исследователь на-